

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26

В.Н. Рудаков

**СОБЫТИЯ НА РЕКЕ СИТИ (1238) В КОНТЕКСТЕ
ПОВЕДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В ГОДЫ НАШЕСТВИЯ БАТЬЯ**

V.N. Rudakov

**EVENTS ON THE RIVER SIT' (1238) IN THE CONTEXT
OF THE RUSSIAN RULERS' BEHAVIOR DURING THE
INVASION OF BATU KHAN**

Аннотация. Предметом исследования являются действия великого князя владимирского Юрия Всеволодовича на реке Сити и их отображение в ранних летописных рассказах о нашествии Батые. Цель исследования — реконструировать исторический контекст, в котором действовали князь Юрий и другие правители русских земель во время событий 1237–1241 гг., а также определить отношение авторов летописных и агиографических произведений конца XIII — начала XIV в. к бегству князей от татар. Научная новизна исследования состоит в комплексном использовании статистического и аксиологического методов. Автор пришел к выводу, что из общего числа русских князей (37), упомянутых в ранних летописных рассказах о нашествии, почти половина (18) либо точно бежали от татар, либо поступили так с большой долей вероятности. Это позволяет с доверием относиться к дошедшей в рассказе Новгородской первой летописи старшего извода трактовке, согласно которой Юрий Всеволодович также бежал от татар и таким образом оказался на реке Сити, где и был убит. Вероятнее всего, само по себе бегство князей не было компрометирующим обстоятельством в глазах их ближайших потомков. Наоборот, успешное бегство воспринималось как результат Божьего заступничества и всячески превозносилось. Однако случай с Юрием был особым: в отличие от подавляющего большинства спасавшихся бегством князей, он погиб. В результате автору рассказа Лаврентьевской летописи, поставившему себе задачей написать панегирик великому князю, пришлось создавать достаточно противоречивую картину событий, согласно которой Юрий Всеволодович

Рудаков Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк»

Rudakov Vladimir Nikolaevich, PhD Candidate in Philology, Editor-in-Chief, Istorik (journal)

ps-rudakov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7907-7446

якобы не собирался бежать, а, напротив, готовился дать отпор врагу на реке Сити. Однако там он проявил себя отнюдь не как опытный и отважный воин, а как человек, который подобно святым Борису и Глебу готов был на жертвенное заклание и, как «новый Иов», — смиренно встретить ниспосланные ему испытания.

Ключевые слова: монголо-татарское нашествие, бегство князей, мировоззрение летописцев, Суздальская земля, Юрий Всеволодович Владимирский, Михаил Всеволодович Черниговский, Даниил Романович Галицкий.

Abstract. The article examines the actions of grand prince Yuri Vsevolodovich of Vladimir on the river Sit' and their descriptions in the early narrative of the chronicles about the invasion of Batu Khan. The aim of the study is to reconstruct the historical context in which prince Yuri and other rulers of Russian lands acted during the events of 1237–1241, and to reveal the attitude of the authors of chronicles and hagiographic works of the late 13th and early 14th centuries to the princes' flight from the Tartars. The scholarly novelty of the research consists in the complex use of statistical and axiological methods. The author concludes that almost half of total number of Russian princes (18 out of 37) mentioned in the early narrative of the chronicles about the invasion either definitely escaped from the Tatars, or did so with a high probability. This allows us to believe the interpretation in the older version of the *Novgorod First Chronicle*, according to which Yuri Vsevolodovich also escaped from the Tatars and thus ended up on the River Sit', where he was killed. Most likely, the princes' flight itself was not a compromising circumstance in the eyes of their nearest descendants. Quite the contrary, the successful escape was perceived as God's intercession and was extolled in every possible way. However, Yuri's case was special: unlike the overwhelming majority of princes who fled, he perished. As a result, the author of the *Laurentian Chronicle*, who set out to write a eulogy to the grand prince, had to create a rather contradictory picture of events, according to which Yuri Vsevolodovich allegedly was not going to escape, but, on the contrary, he was preparing to withstand the enemy on the river Sit'. And he revealed himself not as an experienced and courageous warrior, but as a martyr who, like saints Boris and Gleb, was ready for sacrificial slaughter and, like "new Job", to meekly face the trials that came upon him.

Keywords: Mongol-Tatar invasion, princes' flight, worldview of chroniclers, Suzdal' land, Yuri Vsevolodovich of Vladimir, Mikhail Vsevolodovich of Chernigov, Daniil Romanovich of Galich.

* * *

В настоящей статье рассматриваются действия великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в 1238 г. при нашествии Батыея — его отъезд из Владимира, последующее «кружение» по окраинам своих владений, приход на реку Сить, где и произошла гибель правителя Суздальской земли. Смысл его действий позволяет уточнить реконструкция исторического контекста, в основе которого — анализ довольно противоречивых летописных сообщений об указанных событиях.

Рассказ Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.) о действиях Юрия Всеволодовича не дает ответа на вопрос, почему тот оказался на реке Сити в марте 1238 г.: «Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Волгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великий совкупляти воѣ противу татаром, а Жирославу Михайловичю приказа воеводство в дружинѣ своей»¹. Прежде всего, не понятно, зачем для сбора войск великим князем было выбрано одно из самых глухих мест его княжества, находившееся, по выражению В.А. Кучкина, «на самом краю владений суздальских Рюриковичей»². Попытки рационально объяснить действия великого князя предпринимались неоднократно, начиная со времен Екатерины Великой³, однако, не привели к сколько-нибудь удовлетворительному результату⁴.

Лавр. не позволяет судить даже о том, готовился ли Юрий Всеволодович оказать сопротивление татарам, очутившись на реке Сити. Если не брать в расчет молитвы, которые, согласно Лавр., перед боем произносил великий князь (к их анализу мы еще вернемся), то в сухом остатке картина «битвы» даже в комплиментарном по отношению к Юрию источнике выглядит весьма странно. «Внезапу <...> поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. *Слышав же* (об этом) князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, *поидоша противу поганым. И сступишася обои, и бысть стѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменники. И ту убьень бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ*»⁵. Между тем, если доверять сообщениям Лавр. до конца (а другие источники такой информации не содержат), следует признать: времени на подготовку к бою у Юрия было предостаточно.

¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 461.

² Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 14.

³ См.: *Екатерина II*. Записки касательно российской истории. Ч. 6. СПб., 1801. С. 70–71. Ср.: Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. 368. Подробнее см.: Рудаков В.Н. Екатерина Великая против хана Батыя // Родина. 2022. № 7. С. 102–105.

⁴ Из новейших работ, ставящих под сомнение традиционную, опирающуюся на рассказ Лавр., версию событий на реке Сити, стоит отметить: Комаров К.И. О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 87–96; Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 23–35; Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 3–30.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

Татары оказались у стен Владимира 3 февраля — к этому времени великий князь уже покинул столицу своих владений. События на реке Сити Лавр. датирует 4 марта 1238 г.⁶ Значит, в общей сложности Юрий Всеволодович перемещался по заснеженным лесам и равнинам самого глухого угла Суздальской земли больше месяца. За это время, согласно Лавр., татары «взяша городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ»⁷, однако Юрий к сражению оказался совершенно не готов.

Более правдоподобно объясняет произошедшее Новгородская первая летопись (далее — НПЛ), согласно которой Юрий Всеволодович изначально не собирался драться с врагом: «князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль»⁸. Автор рассказа НПЛ отметил, что татары «погнашася по Юрьи князи», и только тогда, узнав об этом, тот «начал полкъ ставити около себе». Но было поздно: «не успѣвъ ничтоже», он опять «побѣже», в результате чего оказался на реке Сити. Здесь татары и настигли Юрия, «и животъ свои сконча ту». «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»⁹, — отметил новгородец.

Нет никаких сколько-нибудь серьезных причин считать, что рассказ новгородской летописи менее достоверен, чем рассказ владимирской (Лавр.). Скорее, наоборот. Во-первых, есть основания полагать, что составитель рассказа НПЛ (Тимофей пономарь, который, как установил А.А. Гишпиус, был автором текста за 1228–1274 гг.¹⁰) опирался на рассказы участников событий. В.А. Кучкин считает, что «создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нем многих людей», тем более что «после боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде»¹¹. При этом сообщение НПЛ корреспондирует с известием персидского историка Рашид-ад-Дина, работавшего над своим сочинением в начале

⁶ Подробнее об этих датах см.: Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 8–9.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

⁸ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 75.

⁹ Там же. С. 76. Ничего не было известно о сражении на реке Сити и современнику событий — сплитскому архидиакону Фоме. «Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий они предали смерти (курсив мой. — В.Р.) вместе с огромным множеством его народа» (Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита. М., 1997. С. 104).

¹⁰ Гишпиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 8–12.

¹¹ См. подробнее: Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 7–8, 14–15.

XIV в., о том, что «эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) бежал и ушел в лес: его также поймали и убили» (курсив мой. — В.Р.)¹².

Во-вторых, в пользу версии НПЛ говорят также косвенные данные. Учитывая расположение реки Сити, можно утверждать, что непроходимая местность на севере подконтрольных Юрию территорий в гораздо большей степени была удобна для того, чтобы скрываться от неприятелей, нежели для того, чтобы собирать силы, готовясь к нанесению ответного удара. Здесь не было укрепленных пунктов, здесь невозможно было пополнить те скудные ресурсы, которые «малая дружина» Юрия захватила с собой из Владимира, — ни фуража лошадям, ни питания воинам, ни подкреплений за счет жителей окрестных селений. Скорее всего, в оперативном и тактическом смысле движение великого князя в этот район было лишено всякого смысла¹³. А, значит, как полагают исследователи, вполне вероятно, что «в дальнейшие планы Юрия вовсе не входило давать врагу генеральное сражение, во всяком случае, таким сражением нельзя считать стычку с одним из татарских отрядов на р. Сити, в которой Юрий бесславно погиб»¹⁴.

В свое время Дж. Феннел писал, что «новгородский летописец, который в своем рассказе о событиях 1237–1238 гг. относится к Юрию непочтительно, бросал тень сомнения на обстоятельства его смерти. Такого рода догадок об исходе битвы на р. Сити трудно избежать, когда собственный летописец Юрия (имеется в виду рассказ Лавр. — В.Р.) столь поразительно избегает подробностей: легко предположить, что он пытался скрыть какие-то, возможно неприятные, обстоятельства того, что в действительности произошло»¹⁵. Если с выводом Дж. Феннела о позитивном отношении к Юрию автора

¹² Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 407. Некоторое время назад Р.А. Беспалов выдвинул гипотезу о том, что свои сведения Рашид ад-Дин мог позаимствовать из летописного памятника, восходящего к Новгородско-Софийскому своду, отразившемуся, в свою очередь, в Новгородской IV, Новгородской Карамзинской и Софийской I летописи. А потому его данные вторичны и не могут использоваться для реконструкции событий 1237–1238 гг. В части, касающейся бегства великого князя, с этим трудно согласиться, равно как и с мнением о том, что сообщение о бегстве Юрия появилось у Рашид ад-Дина в результате «недостаточно квалифицированного прочтения» рассказа Новгородско-Софийского свода. В летописных источниках, восходящих к этому своду, версия бегства Юрия Всеволодовича изложена по Лавр., тогда как Рашид ад-Дин в точности подтверждает версию НПЛ. См.: Беспалов Р.А. К истории создания повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237–1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017–2018. М., СПб., 2019. С. 53–58.

¹³ Комаров К.И. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁴ Майоров А.В. Завоевание русских земель... С. 91. Ср.: Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 8–9.

¹⁵ См.: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 120–121.

рассказа Лавр. можно согласиться, то в какой мере справедливо суждение о непочтительной позиции автора рассказа НПЛ? И можно ли в этой связи доверять словам новгородского летописца о бегстве великого князя?

«Множество бѣжащих от безбожных татаръ»

Большое значение для ответов на эти вопросы имеет восстановление исторического контекста, внутри которого рассказывается о поведении Юрия Всеволодовича. В этой связи необходимо прояснение двух обстоятельств. Во-первых, выходил ли факт возможного бегства великого князя от татар за рамки общепринятого на тот момент поведения правителей русских земель? И, во-вторых, в какой мере такое поведение воспринималось книжниками как предосудительное?

Что касается ответа на первый вопрос, то приходится констатировать: бегство великого князя владимирского от наступающих татар вполне вписывалось в норму поведения значительной (если не большей) части известных нам правителей русских земель того нелегкого времени.

Обратимся к данным трех ранних летописных рассказов о нашествии — Лавр., НПЛ, Ипатьевской летописи (далее — Ипат.). В общей сложности за период с декабря 1236 по 1241 г. (включительно) в них так или иначе поименно упомянуты 37¹⁶ русских князей, включая названных только «по отчеству» князя Кюр Михайловича¹⁷ и некоего «сына Ярослава»¹⁸ (одного из сыновей великого князя Ярослава Всеволодовича), погибших от рук татар. Некоторые князья упомянуты во всех трех источниках (например, тот же Юрий Всеволодович и его сын Всеволод Юрьевич), некоторые — лишь в двух из них (например, рязанский князь Юрий — в НПЛ и Ипат., а также Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич — в НПЛ и Лавр.), большинство же правителей (32 из 37) упомянуты только одним источником.

Из общего числа упомянутых в летописных рассказах о нашествии князей погибло 10 человек (включая Юрия Всеволодовича, обстоятельства гибели которого и составляют предмет настоящей статьи). Судьба еще троих — племянника Юрия князя Всеволода Константиновича (упомянут только в Лавр. в контексте событий

¹⁶ Не считая только родившегося в 1241 г. князя Василия Ярославича — сына великого князя Ярослава Всеволодовича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 779.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

Судьба русских князей, упомянутых в ранних летописных источниках о нашествии Батгя (в период с декабря 1236 по 1241 г. включительно)

	Лавр.	НПЛ	Ипат.	Всего
Убиты*	6	3	1	10
Скорее всего, убиты (о гибели не сообщается, но имя больше не упоминается)	1	–	2	3
Попал в плен	–	1	–	1
Остались живы, находясь в безопасном месте	3	1	1	5
Скорее всего, спаслись бегством	12	–	1	13
Спаслись бегством	–	–	5	5
Всего упомянуто князей (без повторов)	22	5	10	37

* с учетом вел. кн. Юрия Всеволодовича

на р. Сити¹⁹), уже упомянутого кюр Михайловича (о нем говорится только в Ипат. как об участнике сражения под Коломной²⁰) и князя Мстислава Глебовича (согласно Ипат., оказавшего сопротивление татарам у стен Чернигова²¹) неизвестна: сообщений об их гибели летописи не содержат, однако в дальнейшем повествовании они более не упоминаются. Можно с большой долей вероятности предположить, что они также погибли. В итоге погибшими можно считать 13 человек. Один рязанский князь, Олег Ингваревич, оказался в плену, из которого возвратился лишь пятнадцать лет спустя в 1252 г.²²

Как вели себя остальные 23 спасшихся князя?

О бегстве пяти из них мы можем однозначно судить на основании прямых указаний летописных источников. Так, бегством спаслись великие князья Михаил Всеволодович Черниговский и его сын Ростислав²³. Кроме них от татар бежал великий князь Даниил Романович Галицкий вместе с братом Василько Романовичем и сыном Львом Даниловичем²⁴. Высока также вероятность спасения бегством еще одного правителя русских земель — смоленского князя

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461, 465.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–779.

²¹ Там же. Стб. 782.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 475; Т. 3. С. 74.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–784. Подробнее см.: Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1. С. 18–19; Майоров А.В. Михаил Черниговский в Силезии и битва при Легнице // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60) (июнь). С. 23.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

Ростислава Мстиславича, ненадолго севшего на княжеский стол в Киеве после бегства оттуда Михаила Всеволодовича Черниговского, но впоследствии изгнанного оттуда Даниилом Романовичем перед самым нашествием²⁵.

Еще пять — князь Всеволод Мстиславич, которого Ярослав Всеволодович, согласно Лавр., посадил на княжении в Смоленске²⁶; упомянутый в Ипат. князь Ростислав Владимирович²⁷ (сын смоленского и киевского князя Владимира Рюриковича) и полоцкий князь Брючислав, на дочери которого, согласно НПЛ, женился Александр Ярославич²⁸, судя по всему, в момент нашествия изначально находились в безопасном месте — за пределами территорий, подвергшихся нападению татар. Великий князь Ярослав Всеволодович²⁹ и его сын князь Александр Ярославич (Невский) также находились вдалеке от районов, куда вторглись отряды Батыя³⁰.

И Ярослав Всеволодович, и Александр Ярославич упомянуты, наряду с еще 12 правителями Северо-Восточной Руси, в помещенном в рассказ Лавр. списке князей, спасшихся от нашествия³¹. О том, как спаслись еще двое из этого списка, мы можем судить вполне определенно. Если верить сообщению Лавр. (другие источники об этом ничего не сообщают), брат погибшего Юрия Всеволодовича — князь Святослав Всеволодович, а также их племянник князь Владимир Константинович — оказались в зоне боевых действий, придя вместе с великим князем Юрием на р. Сить³². Согласно Лавр., Святослав Всеволодович (он княжил в расположенном в 60 километрах от Владимира Юрьеве-Польском), в отличие от Ярослава Всеволодовича, успел примкнуть к «малой дружине» Юрия. При этом, в отличие от старшего брата, он не погиб на р. Сити³³. После смерти Ярослава в 1246 г. Святослав Всеволодович занял владимирский великокняжеский стол и уже в качестве великого князя в 1250 г. ездил «в Та-

²⁵ Там же. Стб 782. См.: *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. СПб., 2016. С. 34.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788.

²⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461. См.: *Горский А.А.* Проблемы изучения Слова о погибели Русская земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л, 1990. С 30–32; *Рудаков В.Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 412.

³⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

³² Там же. Стб. 465.

³³ Там же. Стб. 467. См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89) (сентябрь). С. 24–27.

тары» и, благополучно вернувшись оттуда, умер только в 1252 г.³⁴ То есть Святослав не просто спасся во время событий на р. Сити: на протяжении целого ряда лет у татарских правителей не возникало претензий к князю в связи с его участием в последнем сражении Юрия Всеволодовича. Возможно, это было связано с тем, что Святославу удалось бежать, так и не приняв участия в боевых действиях с татарами, которые иначе вряд ли простили бы князю факт вооруженной борьбы с ними. Не погиб в сражении на Сити и князь Владимир Константинович: он упомянут в числе других князей, ездивших спустя шесть лет, в 1244 г., к хану Батыю³⁵.

Еще пять чудесным образом спасшихся князей — это брат убитого на Сити великого князя Юрия, стародубский князь Иван Всеволодович, а также дети правителей княжеств Суздальской земли — сын князя Святослава Всеволодовича Дмитрий, дети убитого татарами после событий на р. Сити ростовского князя Василька Константиновича — Борис и Глеб, а также сын упомянутого участника событий князя Всеволода Константиновича — Василий. Судя по тому, что все они имели владения на территории, подвергшейся татарскому нашествию, единственная возможность спастись у них также могла быть связана с бегством из родных мест — куда-то, куда татары так и не дошли.

Наконец, еще пять спасшихся князей — это младшие дети великого князя Ярослава Всеволодовича: Андрей, Константин, Афанасий, Даниил и Михаил. Если место нахождения самого Ярослава Всеволодовича во время нашествия на северо-восточную Русь с большой степенью вероятности может быть установлено (это Киевская земля³⁶), то в отношении его детей такой ясности нет. Вполне возможно, что они находились с отцом в южной Руси и вернулись в Суздальскую землю вместе с ним (не ранее середины 1238 г., но, вполне вероятно, в конце 1239 г.³⁷). Однако не исключен вариант, что они могли жить всё это время в Новгороде вместе со старшим братом Александром (и, возможно, со своей матерью). Также нельзя исключать и того, что вплоть до нашествия младшие дети Ярослава Всеволодовича могли оставаться в родовом гнезде отца — Переяславле-Залесском и, только узнав о приближении татар, двинуться вместе с матерью на север (в тот же Новгород или куда-то еще). В пользу последнего варианта

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471-473.

³⁵ Владимир Константинович умер в 1249 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, 472).

³⁶ Горский А.А. Проблемы изучения Слова о погибели Русская земли» ... С 30–32.

³⁷ Рудаков В.Н. Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича ... С. 17–20.

говорит то, что, согласно НПЛ, один неназванный по имени «сынъ Ярославль» был убит, причем, произошло это, по всей видимости, либо в Суздальской земле, либо недалеко от нее («Оканънии же они оттолъ пришедше, взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфъръ; ту же и сынъ Ярославль убиша»³⁸). Если интерпретировать летописный текст таким образом, что убийство произошло вслед за взятием татарами Твери, вполне можно допустить, что сын Ярослава Всеволодовича погиб как раз во время бегства семьи из Переяславля в направлении Новгорода.

Приведенный в Лавр. под 6747 (1239) г. список правителей Суздальской земли, спасшихся от нашествия Батыя, позволяет утверждать, что значительная часть князей предпочла спастись бегством. В общей сложности в списке упомянуты 14 правителей северо-восточной Руси, которых, по выражению летописца, Господь «*избавилъ есть от враг наших*». Помимо «благочестиваго и правовѣрнаго великого князя Ярослава» с шестью «благородными своими сыны» — Александром, Андреем, Константином, Афанасием, Данилой и Михайлом, это также братья Ярослава — князь Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием и Иван Всеволодович, а также племянник Ярослава князь Владимир Константинович и трое его внучатых племянников — Борис и Глеб Васильковичи, а также Василий Всеволодович. «*Си вси сохранени быша Божьею благодатью*», — специально отметил составитель рассказа Лавр.³⁹ Сообщая о спасении князей, он уточнил, каким образом произошло это спасение: «*гоняша по них татарове и не обрътоша. Яко же и Сауль гоняше Давида, но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от руки иноплеменник*»⁴⁰. Сравнение правителей русских княжеств с Давидом, за которым гнался царь Саул, указывает на то, что «избавление от рук иноплеменников» произошло благодаря бегству князей от преследовавших их татар. Согласно библейской 1-й Книге Царств (на тот момент юноша, а в будущем — царь Израиля) Давид неоднократно именно бегством спасался от гнева царя Саула, в которого вселился злой дух («*нападаше духъ лукавый от Бога на Саула*»⁴¹).

Таким образом, из 37 князей, которых мы знаем по именам, примерно треть погибла (10, в том числе и бежавший, согласно НПЛ, Юрий Всеволодович) или, скорее всего, погибли (3), один князь попал в плен, незначительное число (5) в момент нашествия находились на безопасном расстоянии от татар, остальные же (почти

³⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ 1 Цар. гл. 18–31.

половина от общего числа!) либо точно бежали (5), либо сделали это с большой долей вероятности (13).

«Гониша по них и не обрътоша»

Как воспринималось книжниками бегство князей? В этой связи первым делом вспоминается летописная статья «Повести временных лет», датированная 971 (6479) г. и рассказывающая о походе князя Святослава на «греки». Летописец сообщает, что, увидев войско противника, «Русь убояшася зѣло». В этой ситуации князь призывает войско «не посрамить Русской земли»: «Аще ли побѣземъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Речь Святослава возымела действие: воины решили биться до конца, в итоге бежать пришлось «грекам»⁴². Таким образом, мы имеем весьма красноречивое свидетельство, что, по крайней мере, начиная с X в., бегство с поля боя приравнивалось к «сраму» — поведению постыдному и недостойному. Наоборот, отвага и сопротивление врагу входили в число воинских добродетелей, причем как самого князя, так и его воинов: «любить князь воина, стояштя и борющагося съ врагы, и овогда убо уязвяюштя, овогда же уязвяема, паче *бѣгаюштяго* и оружие помештѣюштяго»⁴³.

Между тем использованное в рассказе Лавр. сравнение с Давидом и Саулом позволяет не только реконструировать *способ избавления* русских князей от татар, но и понять, каким было *отношение автора* рассказа Лавр. к бегству правителей Суздальской земли. Среди прочего книжник неоднократно цитировал летописные сообщения самой Лавр. о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., на что в свое время обратил внимание Г.М. Прохоров⁴⁴. Но им были обнаружены не все цитаты, взятые из рассказа об этом походе. Так, незамеченной исследователем осталась финальная фраза летописной статьи 6694 (1185) г., повествующая о бегстве князя Игоря из половецкого плена. Именно она почти дословно воспроизведена в рассказе об избавлении русских князей от нашествия Батгя под 6747 (1239) г.: «И по малых днѣхъ ускочи Игорьъ князь у половець — не оставить бо Господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ! *Гониша бо по нем и не обрътоша, якоже и Саулъ гони Давыда, но Богъ избави ѱ, тако и сего*

⁴² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 33.

⁴³ Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2009. С. 587–588 (Л. 216–216 об.).

⁴⁴ Прохоров Г. М. Повесть о нашествии Батгя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 78, 82.

Богъ избави из руку поганых»⁴⁵. При этом бегство князя Игоря связывалось с Божьей помощью не только в рассказе Лавр. — точно так же его действия трактовались и в «Слове о полку Игореве»: «Игореву князю *Богъ путь кажетъ* изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу»⁴⁶. Всё это позволяет утверждать, что, с точки зрения книжника, бегство правителей Суздальской земли было обусловлено Божьим промыслом в той же мере, что и бегство Давида от Саула, и князя Игоря Святославича от половцев.

Однако помимо книжного, отсылающего читателей к библейским сюжетам, вероятно, был и другой контекст, в рамках которого, воспринималось бегство князей, — контекст поведенческий. В Лавр. рассказ о событиях 1239 г. завершается упоминанием про «злой пополох» (т.е. тревогу, смятение, переполох⁴⁷), который был «по всей земле»: «тогда же бѣ *пополохъ золь* по всей земли, и сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжитъ*»⁴⁸. На первый взгляд, это сообщение могло относиться исключительно к последствиям произведенного в тот год набега татар на Муром и Гороховец. Но, вполне возможно, что летописец имел в виду не только ситуацию 1239 г., но и в целом обстоятельства, возникшие в период нашествия Батыя. Про «множество бѣжащих от безбожных татаръ», встреченных по дороге из Венгрии князем Даниилом Романовичем Галицким, сообщала Ипат.⁴⁹ Косвенно о бегстве паствы в годы нашествия (как о «рассеянии людей по земле») упоминается и в «Правиле Кюрила, митрополита роуськаго» 1274 г.⁵⁰ Про бегство князей (и не только) перед лицом татар говорилось и в Поучениях владимирского епископа Серапиона (1270-е гг. XIII в.), который точно указывал причину такого поведения: «князии нашихъ, воеводъ *крѣпость ищезе*, храбрии наша, *страха наполньншеся, бѣжаша*»⁵¹. Впрочем, речь шла не о

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 399. Интересно, что в поздних летописных редакциях, например, в более поздних летописях (Новгородская IV, Софийская I, Никоновская и ряд других), создававшихся в XV–XVI вв., в истории с бегством из плена Игоря параллель с бегством Давида от Саула была убрана, точно так же как была убрана эта параллель из рассказа о князьях, спасшихся от Батыя. См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 220; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 298; Т. 10. М., 2000. С. 14, 113.

⁴⁶ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 384.

⁴⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 94.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469–470.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

⁵⁰ Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новгородского, Игнатия ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908. Стб. 86. См. подробнее: *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002. С. 211–224.

⁵¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 448.

страхе перед татарами как таковыми (хотя и он, разумеется, имел место): Серапион имел в виду страх перед карой Господней, ниспосланной во исправление человеческих грехов⁵². Точно так вели себя, судя по всему, москвичи, о действиях которых в момент нашествия Батыеа есть краткое упоминание в новгородской летописи: «Москвичи же *побѣгоша*, ничего же не видѣвше»⁵³.

Так что указание Лавр. на то, что люди «сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжитъ*», могло относиться в целом к жителям русских княжеств в период нашествия. В этом контексте действия бежавших от татар князей могли выглядеть лишь как частный случай общего, весьма распространенного в то страшное время поведенческого выбора. Об этом свидетельствует житийное Сказание о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора (далее — Сказание) в «редакции, приписываемой отцу Андрею»⁵⁴. В тексте описываются три варианта поведения людей во время «нахождения поганых татаръ на землю христьянскую». Одни — «затворяхуся въ градѣхъ». О них сказано, что «иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемъ и со слезами Богу молящеся, тако от поганыхъ немилостивно избѣени быша». Вторые — бежали в дальние страны. Среди них и главный герой житийной повести князь Михаил Всеволодович: «Михаилу же *бѣжавишу* во Угры, инии же *бѣжаша* в земли дальни». Наконец, третьи скрывались в труднодоступных местах: «инии же *крыяхуся* в пещерахъ и в пропаstech земныхъ <...>, в горахъ и в пещерах и в пропаstechъ и в лѣсѣхъ». Как отмечает книжник, «мало от тѣхъ остана». Согласно повести, впоследствии те, кто убежали в дальние страны, решили вернуться. Были среди них и *князья* (именно так — во множественном числе!): «Слышавше же се иже бяху ся *разбѣгли на чюжи земли*, и взвратишася князи и вси людие на свои земли, что ихъ избыло ся»⁵⁵.

«Не добро нам стоять близ воюющих нас»

Доброжелательное отношение составителя Лавр. к князьям, которые, как Давид от Саула, спаслись от татар, позволяет сделать вывод о том, что бегство правителей русских земель оценивалось

⁵² См.: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2017. С. 86–88.

⁵³ Текст восстанавливается на основе НПЛ младшего извода, однако в НПЛ старшего извода он тоже был, но там слово «*побѣгоша*» было выскоблено. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 287.

⁵⁴ Ее составление датируется периодом до 1270 г. См.: Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — начала XX вв. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 30.

⁵⁵ *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 55.

книжниками по какой-то иной шкале, нежели это делал в «Повести временных лет» князь Святослав Игоревич, а также составитель Изборника 1076 г. Это может объясняться тем, что летописные рассказы о нашествии создавались в среде князей или духовных лиц, ближайšie предки которых (а, возможно, и они сами) спасались бегством. Исследователи неоднократно высказывали предположения о возможном использовании в соответствующей части Лавр. материалов ростовского и владимирского происхождения⁵⁶. Между тем ростовский епископ Кирилл как раз был в числе тех, кто спасался от нашествия бегством на Белоозеро⁵⁷. Скорее всего, бегством (может быть, тоже на Белоозеро) спасалась и семья погибшего в районе р. Сити ростовского князя Василька Константиновича — его сыновья Борис и Глеб и жена Мария Михайловна (дочь бежавшего от татар великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского). Как следует из списка князей, помещенного в Лавр., с большой долей вероятности точно также поступили и другие правители Суздальской земли, а, значит, и они, и их потомки, при которых текст рассказа о нашествии подвергался серьезной редакции, вряд ли имели желание обличать подобное поведение.

Отношение к бегству «своего» князя вообще было либо позитивным (как в Лавр.), либо нейтральным. Это прослеживается даже на терминологическом уровне. Важным маркером восприятия поступков князей является то, какие эпитеты использовали книжники для обозначения действий покинувших свои земли правителей. Так, составитель рассказа Лавр. вообще не описывал действия князей в категориях бегства. Их поведение раскрывалось через поступки завоевателей («*гонишиа по них татарове и не обрѣтоша*»). Сравнивая князей с Давидом, а их преследователей с Саулом, книжник маркировал способ спасения князей не просто в качестве приемлемого с этической точки зрения, но даже богоугодного поступка, поскольку «*сих Богъ избави от руки иноплеменникъ*», «*избавиль есть от враг наших*». Точно так же составитель рассказа, дошедшего в составе Лавр., описывал и действия других героев своего повествования, спасавшихся от татар: ростовского епископа Кирилла, про отъезд

⁵⁶ Ср.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 142–144; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 280–288; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 193–195; *Кучкин В. А.* Завоевание Руси Батыем... С. 7.

⁵⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465. От татар удалось бежать не только ростовскому, но и безымянному рязанскому владыке: «а епископа ублюде богъ: *отъѣха проче во ть годъ, егда рать оступи градъ*». См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 75. О поведении высшего духовенства в годы нашествия см.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 14–15.

которого на Белоозере составитель Лавр. вообще не сообщал, зато сообщал о его возвращении («блаженъи же епископъ Кирилъ <...> *иды* из Бѣлаозера»), а также черниговских князей, покинувших город накануне его штурма татарами. «Взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ *въѣхаша* въ Оугры», — повествует Лавр., даже не уточняя, кто именно из членов правившей в Чернигове княжеской династии имеется в виду. Хотя имя черниговского князя Михаила Всеволодовича, бежавшего, согласно Ипат., как раз «въ Оугры», конечно, было известно в Суздальской земле, где создавался этот рассказ и где жили его дочь и внуки⁵⁸. Характерно, что оставление Владимира великим князем Юрием Всеволодовичем в Лавр. описано по той же схеме: «*въѣх*а Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ», «*ѣх*а на Волъгу с сыновци своими»⁵⁹ (так же нейтрально сообщала об отъезде Юрия и Ипат.: «Юрьи же князь <...> *изииде* изъ града»⁶⁰).

Не менее показательное описание бегства великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Если «чужая» по отношению к нему галицко-волынская летопись, рассказывая о действиях князя, оперировала исключительно понятием «бегство»⁶¹, то в тех текстах, авторы, которые так или иначе благоволили Михаилу, присутствует гораздо большее терминологическое разнообразие. Весьма любопытная характеристика бегства черниговского князя дается в так называемой «ростовской редакции» (далее — ред. Р.) Сказания о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора, которое, по мнению исследователей, могло быть создано в 1270-е гг. в Ростове еще при жизни князей Бориса и Глеба Васильковичей — внуков Михаила Всеволодовича⁶².

Не исключено, что именно с этим связана попытка составителя ред. Р. (причем, как на уровне терминов, так и на смысловом уровне) смягчить впечатление о поведении Михаила Всеволодовича. По крайней мере, только в этой редакции Сказания поездка великого князя в Венгрию не названа «бегством»: отмечалось лишь, что князь «*отѣѣх*а въ Оугры» (что вполне корреспондируется с рассказом Лавр. о черниговских князьях, которые «*въѣхаша* въ Оугры»)⁶³. При этом в ред. Р. со ссылкой на библейский текст (Пс. 22:4) подчеркивалось, что отъезд Михаила «в Угры» не был проявлением его

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

⁵⁹ Там же. Стб. 461.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

⁶¹ Там же. Стб. 782–783.

⁶² Кучкин В.А. Монголо-татарское иго.... С. 27; Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. СПб., 2003. С. 208.

⁶³ Ср.: Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 55; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

страха. Скорее, наоборот. «Егда же быс нахождение иноплеменникъ на землю русьскую гнѣвомъ Божиимъ за оумножение грѣх наших, избыща многи князи — сродники его, а Михайло *отъѣха* въ Оугры, якоже пророкъ глаголетъ, *не оубоюся* злая, яко ты со мною еси»⁶⁴. Иными словами, в ред. Р. отъезд (а по факту — бегство) Михаила объяснялось заступничеством Божиим: именно оно стало ему защитой в ситуации, когда многие его «сродники» оказались убиты татарами, а он при этом уцелел. Получается, что он тоже спасся, подобно Давиду, бежавшему от Саула. В остальных же редакциях житийных произведений о гибели Михаила его действия во время нашествия названы «бегством». Тем самым в них подтверждалась версия рассказа Ипат., прямота оценок которого, видимо, объяснялась тем, что текст был создан в интересах враждебной по отношению к черниговскому князю галицко-волынкой династии. Значит, упоминание в остальных редакциях Сказания о бегстве князя отнюдь не мешало достижению главной цели житийных произведений — прославлению христианского подвига Михаила, который спустя несколько лет после нашествия Батыея принял мученическую смерть в Орде.

При этом, описывая бегство «своего» князя — Даниила Романовича, также спасавшегося в «чужой земле», составитель галицко-волынкой летописи всячески избегал называть его отъезд бегством⁶⁵. Создается впечатление, что книжник был солидарен со своим князем в том, что спасение правителя, а также его семьи — главное, о чем стоило заботиться и о чем стоило писать⁶⁶. При этом то, что за это время случилось с княжескими владениями («Русской землей», как формулировал это галицко-волынкой летописец), — дело хоть и печальное, но все-таки второстепенное: *«иде изо Угоръ во Ляхы на Бардуевъ и приде во Судомиръ. Слыша о братѣ си и о дѣтех и о княгини*

⁶⁴ *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784–788.

⁶⁶ Некоторое время назад венгерский исследователь И. Долманьош выдвинул гипотезу, согласно которой отъезды русских князей из столиц являлись проявлением особой воинской тактики — так называемых «регифугий» (от лат. «*regifugia*» — букв. «бегство царя»). Согласно законам этой «тактики», монарх в случае возможной осады столицы якобы просто обязан был совершить «регифугию» и уехать собирать войска вне досягаемости врага. Как полагает И. Долманьош, это было продиктовано тем, что «личная безопасность князя являлась главным залогом безопасности государства». В результате, как писал исследователь, «наступило время великих побегов» и даже «возник обычай нахождения князя в бегах». См.: *Долманьош И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // *Etudes historiques hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois.* Bd. 1. Budapest, 1985. С. 152–172; *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2012 № 1 (47) (март). С. 55.

своей, яко вышли суть из Руское земля в Ляхы предъ безбожными татары, и потосьнуса взискати ихъ, и обръте ихъ на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ, и возрадовашия о совокупленьи своемъ, и жалишаси о побѣдѣ земля Руское и о взятъи град от иноплеменьникъ множества»⁶⁷.

Таким образом, в дошедших до нас произведениях книжности, посвященных событиям периода нашествия Батыя, нет и намек на осуждение князей за бегство от врага. Есть нюансы, которые отличают описание действий «своих» и «чужих» правителей, но и эти нюансы не позволяют допускать, что бегство могло быть поставлено князьям в упрек. В этом контексте новгородская версия событий на р. Сити может считаться вполне нейтральной по отношению к памяти Юрия Всеволодовича, поскольку составитель рассказа НПЛ не написал о великом князе ничего такого, что выходило бы за рамки распространенного в годы нашествия поведения правителей Русской земли и могло бы бросить на них тень. По крайней мере — в глазах читателей летописных и агиографических произведений, составленных в конце XIII — начале XIV в. в среде ближайших потомков тех, кто жил в грозную годину Батыева нашествия.

«Новый Иов терпением и верою»

Возникает закономерный вопрос: если с точки зрения книжников того времени в бегстве «своего» князя не было ничего зазорного и можно было даже в житии святого писать об этом прямым текстом, почему составитель рассказа Лавр. все-таки не стал упоминать о бегстве Юрия Всеволодовича (использовав более нейтральные формулировки — «отѣха» или «выѣхаша»), а представил дело так, будто князь готовился дать татарам вооруженный отпор и именно потому очутился на севере своих владений?

В контексте вышеизложенного причина такого решения книжника могла быть связана с тем, что возможное бегство Юрия, в отличие от аналогичных поступков других правителей русских земель, завершилось *не спасением* великого князя от татар, а его гибелью. А значит, параллель с бегством Давида от Саула, и шире — с бегством, являющимся дарованным Господом способом спасения, в данном случае явно не срабатывала. Поэтому автору рассказа Лавр. пришлось существенно скорректировать «новгородскую» версию событий (она могла бытовать и в виде текста, и в устной форме), поскольку она, с его точки зрения, как раз бросала тень на погибшего правителя Суздальской земли. Но не потому, что в результате он выглядел как человек, который предпочел борьбе бегство (таких князей

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

в то время было много), а потому, что замысел Юрия не удался, а значит, Промысел Божий был не на его стороне.

Нельзя исключать, что дополнительным стимулом к работе книжника могли стать бытовавшие в то время суждения о том, что Юрий пострадал не просто так, что он стал жертвой собственных ошибок и грехов. Отголоски подобных суждений сохранились в рассказе НПЛ о том, что Юрий не откликнулся на просьбы рязанских князей о помощи («просяче помочи, или самому пойти»): «Юрь же самъ не поиде, ни послуша князии рязаньскихъ молбы, но самъ хотѣ особъ брань створити»⁶⁸. Та же Лавр., видимо, в результате долгих переделок сохранила весьма противоречивую характеристику «дипломатического стиля» Юрия Всеволодовича, из которой невозможно сделать вывод, как именно великий князь обошелся с приходившими к нему татарскими послами. С одной стороны, он их отпускал, одаривая и «поминая слово Господнее <...> Не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас». С другой стороны, он давал понять, что «мириться» с ним не намерен, «яко же пророкъ глаголет: Брань славна луче есть мира студна»⁶⁹.

Наконец, отголоски критического отношения к Юрию дошли в произведении более позднего времени — так называемой «чудовской редакции» Сказания о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора. «Чудовская редакция» представлена единственным списком, датированным второй половиной XVI в.⁷⁰ Как отмечал еще Н.И. Серебрянский, отличительной особенностью этой редакции жития Михаила Черниговского является включение в ее текст рассказов, не имеющих «прямого отношения к биографии святого»⁷¹. Один из таких рассказов, «вкрапленных» в текст жития, посвящен великому князю Юрию Всеволодовичу, который показан весьма недостойным человеком: «бе бо живущему свиньскы, въ мнозе кале греховнем и скверне, в гордыни и властолюбии и в пиянстве и в зависти и в любодеении и в скупости и в немилосердии, воистинну скотско житие живый, и обеща покаяться, но токмо словом единым». Известие о нашествии татар отвергает великого князя в «недоумение»: «смятесе оумом и страхом великым объят быс и омервевъ сердцемъ», поскольку, отмечает книжник, «обычаи бо есть съгрешающим оумертвевати и немужьственно сердце имети». Благо-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 74–75.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468. См. подробнее: *Прохоров Г.М.* Указ. соч. С. 87.

⁷⁰ ГИМ. Чудовское собр. № 251/49. Л. 422–429. См.: Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 140–141.

⁷¹ *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 49.

честивый старец предсказывает князю гибель от рук завоевателей в качестве кары за грехи, и это предсказание сбывается⁷².

Трудно судить о том, когда возник этот рассказ и почему он попал в начальную часть житийного рассказа о совершенно другом человеке. Первый публикатор «чудовской редакции» Н.И. Серебрянский полагал, что «в основе рассказа лежит народное предание о событиях завоевания северо-восточной Руси татарами, быть может, очень древнее», однако какими-либо более точными сведениями о происхождении этого сообщения он не располагал⁷³. Тем не менее, приходится констатировать, что даже спустя три столетия после гибели Юрия Всеволодовича его поступки, совершенные накануне нашествия, продолжали вызывать интерес. Можно предположить, что и сразу после смерти Юрия разное «глаголили о нем иныи». А это значит, что составителю рассказа Лавр. необходимо было приложить определенные усилия, чтобы скорректировать образ погибшего князя.

В отличие от автора рассказа НПЛ, судя по всему, безразличного к посмертной славе великого князя, составитель Лавр. явно стремился создать панегирик погибшему правителю Суздальской земли. При этом ему неизбежно приходилось считаться с тем, что рассказ о полководческих талантах Юрия Всеволодовича по определению не мог лечь в основу такого панегирика, ведь эти таланты князь как раз и не проявил. Именно с данным обстоятельством связано стремление составителя рассказа Лавр. преподнести историю гибели Юрия в ином смысловом контексте — не как бегство, а как неудавшееся военное приготовление (частью которого и был отъезд из столицы) князя, изначально готового к предстоящей искупительной жертве.

Для прояснения замысла летописца большое значение имеет анализ деталей описания поступков великого князя, а также «молитв», вложенных составителем Лавр. в уста Юрия Всеволодовича, в частности, «молитвы», которую он произносил в тот момент, когда, будучи на Сити, получил известие о взятии татарами оставленного им Владимира. Исследователи давно обратили внимание на то, что «молитвы» Юрия Всеволодовича сконструированы летописцем из цитат, взятых им из предшествующего летописного повествования⁷⁴. При создании этой «молитвы» великого князя редактором летописной статьи были привлечены цитаты из предсмертной «молитвы» святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба. Сделать летописцу это

⁷² Там же. С. 81–82.

⁷³ Там же. С. 51, 54.

⁷⁴ Комарович В.Л. Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М., Л., 1945. С. 90–96; Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 77–98.

тем более просто, что «молитвы» братьев находились на страницах той же Лавр. под 1015 годом.

Лавр. 1015 г.	Лавр. 1238 г.
(Борис) «паки глаголаше: <i>«Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ, яко не оправдиться предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою. <...> Господи, Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и от всихъ гонящихъ избави мя»</i>⁷⁵ <...> Глѣбъ же, всѣдъ на конь, поиде с маломъ дружины, бѣ бо послушавъ отцу. И пришедшио ему на Волгу, на полѣ потъчеса конь въ рѣвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде ко Смоленску, и поиде от Смоленска, яко зрѣима, и ста на Смядинѣ в корабли. В се же время пришла бѣ вѣсть от Передьславы къ Ярославу о огни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убить от Святополка». И се слышавъ, Глѣбъ вѣспи велми съ слезами и плачася по отци, паче же и по братѣ, и нача молитися со слезами, глаголя: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы мнѣ умерети с братомъ, нежели жити въ свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате, видилъ лице твое ангелское, умерлъ быхъ с тобою. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказания. Да аще еси получилъ дерзновение у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же приялъ страсть. Луче бы ми с тобою умерети, нежели въ свѣтѣ семь прельстнемъ жити». И сице ему молящюся съ слезами, и внезапно придоша послани от Святополка на погублене Глѣба»⁷⁷.	(Юрий) «отложивъ всю печаль, глаголя: <i>«Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою»</i>. И паки второе помолися: <i>«Господи Боже мой, на тя уповахъ, и спас мя и от всѣхъ гонящихъ избави мя»</i>⁷⁶. <...> Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И пѣха на Волгу с сыновци своими с Василькомъ, и со Всеволодом, и с Володимеромъ, и ста на Сити (...) «Приде вѣсть к великому князю Юрью: «Володимеръ взятъ, и церкви зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемъ скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братомъ внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идут». Он же, се слышавъ, възъти гласомъ великимъ со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянствѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людехъ (бѣше бо милостивъ), нежели себе, и жены, и дѣтми. И въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годъ твоему милосердью?» Новый Иовъ бысть терпѣнъемъ и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умерети, нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша татарове»⁷⁸.

Составитель Лавр. даже в описании гибели двух князей — Юрия и Василька — стремился провести параллель с их святыми «сродниками» Борисом и Глебом, заодно подчеркивая еще одну сквозную

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 133.

⁷⁶ Там же. Стб. 465.

⁷⁷ Там же. Стб. 135–136.

⁷⁸ Там же. Стб. 442, 452.

тему своего рассказа: тему братской любви князей. В итоге князь Юрий оказался назван «*братом и отцом*» Василька Константиновича: «Сего бо блаженнаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣвъѣ; *кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своих с братом и отцомъ Георгием с великим князем*»⁷⁹. В реальности будучи дядей Василька, Юрий в качестве великого князя и старшего в роду несколько раз в Лавр. назывался «отцом» ростовским князя⁸⁰, однако братом — только в этом отрывке.

Появление «братской» степени родства могло быть связано еще и с тем, что вслед за упоминанием имени Андрея (Боголюбского), почитавшегося во Суздальской земле, равно как Борис и Глеб, в качестве князя-страстотерпца⁸¹, составитель Лавр. использовал цитату из панегирика этому князю, помещенного в Лавр. под 1175 г.: «(Андрей Боголюбский) *кровью мученичьскою омывъся прегрѣшении своих с братама с Романом и с Давидом...*». Речь в панегирике князю Андрею шла о сравнении его все с теми же князьями Борисом и Глебом, названными в этом месте Лавр. своими крестильными именами — Роман и Давид⁸². Возможно, в спешке не заметив этого, а, может быть, и вполне сознательно, составитель Лавр. дважды прибегнул к этому образу — сначала, рассказывая о гибели Василька, а затем (допуская явную ошибку в этимологии имени князя) о гибели Юрия: «Георгие, мужество тезоимените, *кровью омывъся страданья ти!*»⁸³ Интересно, что для описания гибели князя Василька Ростовского составитель Лавр., как и в случае с «молитвами» Юрия, также воспользовался цитатой из летописного рассказа о смерти святого князя-страстотерпца Глеба⁸⁴:

Лавр. 1015 г.	Лавр. 1238 г.
Глѣбу же убьену бывшию и повержену на брезъ ⁸⁵	И се рек абье без милости безъ милости убьень бысть. И повержену на лъсть ⁸⁶

⁷⁹ Там же. Стб. 467.

⁸⁰ Там же. Стб. 442, 452.

⁸¹ Ранчин А.М. Вертоград златословный. М., 2007. С. 113.

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371. См.: Прохоров Г.М. Повесть о нашествии Батгья ... С. 81.

⁸³ Если в похвале князю Андрею эта фраза смотрелась на своем месте («Андрѣю, мужеству тезоимените»), поскольку «Андрей» с древнегреческого и есть «мужественный», «храбрый», то применимо к Юрию во фразе «Георгие, мужество тезоимените» такая характеристика выглядит полной бессмыслицей (Георгий по-гречески — «земледелец»), на что составитель Лавр. почему-то не обратил внимания. См.: Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 95–96.

⁸⁴ Там же. С. 80.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 137.

⁸⁶ Там же. Стб. 466.

Из подвоя подвига князей Юрия и Василько подвигу святых Бориса и Глеба происходило указание летописца на то, что и после смерти тела обоих погибших от рук татар князей, как и тела Бориса и Глеба, оказались вместе⁸⁷. Получалось, что погибшие на р. Сити князья не только искупили свои земные грехи, смыв их «кровью мученичскою», но и совершили духовный подвиг, напоминающий подвиг князей-страстотерпцев, мучеников за Христа⁸⁸.

Именно такой образ владимирского князя и старался создать составитель Лавр. Для усиления эффекта летописец сравнил Юрия Всеволодовича с многострадальным Иовом («новый Иовъ терпением и верою»), кстати, также заимствовав соответствующую цитату из предшествующего летописного массива⁸⁹. В свое время это дало основание Г. Подскальски сделать весьма точный вывод, что именно «новый Иов», а не «князь-защитник» являлся «идеалом человека в понимании автора Лавр.»⁹⁰.

В итоге автор летописного рассказа создал весьма противоречивую историю: отъезд великого князя из Владимира был преподнесен им как часть военных приготовлений Юрия Всеволодовича, который при этом (прежде всего, благодаря вложенным в его уста молитвам) всячески демонстрировал не просто подлинное христианское смирение и покорность судьбе, но и желание пролить кровь и погибнуть, а вовсе не победить. Немудрено, что внутренне противоречивый (по крайней мере, с позиций нового времени) образ великого князя плохо поддавался рациональной трактовке исследователей.

References

Bespalov R.A. *K istorii sozdaniya povestey o Batyyevom nashestvii v chasti sobytiiy 1237–1238 godov* [On the History of the Narratives of the Batu Khan's Invasion in Part of the Events of 1237–1238] // *Letopisi i khroniki. Novyye issledovaniya* [Chronicles. New Studies]. 2017–2018. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2019. P. 21–58.

⁸⁷ Ср.: Там же. Стб. 137, 461.

⁸⁸ См. подробнее: Горский А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 88–97.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425. См. подробнее: Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 80.

⁹⁰ См.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 142–143. Кстати, стремление уподобиться князьям-мученикам в полной мере относилось и к великокняжеским сыновьям — Всеволоду и Мстиславу, которые, согласно Лавр., мечтали погибнуть, чтобы принести себя в жертву, и тем самым вслед за своим святым «сродником» князем Глебом снискать себе «венец». См. подробнее: Рудаков В.Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1998. С. 191–193.

Dimnik M. *Daniil Galitskiy, Mikhail Chernigovskiy i tatory: bor'ba za Galitskuyu zemlyu v 1239–1245 gg.* [Daniil of Galich, Mikhail of Chernigov and the Tatars: the Struggle for the Galician Land in 1239–1245] // *Rusin*. 2014. N 1. P. 17–35.

Dolmányos I. *Politika lichnoy bezopasnosti i voyennoy zashchity velikikh russkikh knyazey v srednevekov'ye: russkiye analogii nekotorym yevropeyskim "regifugiyam"* [Politics of Personal Security and Military Protection of Grand Russian Princes in the Middle Ages: Russian Analogies to Some European "Regifugia"] // *Études historiques Hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois*. Bd. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. P. 151–177.

Gippius A.A. *K istorii slozheniya teksta Novgorodskoy pervoy letopisi* [On the History of the Composition of the Text of the *Novgorod First Chronicle*] // *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod Historical Collection]. Issue 6 (16). Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. P. 3–72.

Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 2. The first half of the volume. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1900. 919 p.

Gorskiy A.A. *Georgiy (Yuriy) Vsevolodovich* [George (Yuri) Vsevolodovich] // *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia] / Ed. by Patriarch Aleksiy II of Moscow and All Russia. Vol. 11. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya, 2006. P. 88–97.

Gorskiy A.A. *Problemy izucheniya "Slova o pogibeli Russkyya zemli" (k 750-letiyu so vremeni napisaniya)* [Issues of Studying the *Tale of the Ruin of the Russian Land* (to the 750th Anniversary of Its Writing)] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 43. Leningrad: Nauka, 1990. P. 18–38.

Gorskiy A.A. *Russkiye zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands through 13th and 14th Centuries. Ways of Political Development]. Saint Petersburg: Nauka, 2016. 185 p.

Komarov K.I. *O nashestvii Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' v 1237–1238 gg.* [On the Invasion of Batu Khan to North-Eastern Russia in 1237–1238] // *Voprosy istorii*. 2012. N 10. P. 87–96.

Komarovich V.L. *Lavrent'yevskaya letopis'* [Laurentian Chronicle] // *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. II. Part 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945. P. 90–96.

Kuchkin V.A. *Mongolo-tatarskoye igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII — pervaya chetvert' XIV v.)* [The Mongol-Tatar Yoke in Coverage of Old Russian Authors (the 13th and First Quarter of the 14th Centuries)] // *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy i voyn X — nachalo XX vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Russian Culture during Foreign Invasions and Wars from the 10th through the Early 20th Century: Collection of Scholarly Articles] / Ed. by A.N. Kopylov. Issue 1. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1990. P. 15–69.

Kuchkin V.A. *Zavoyevaniye Rusi Batyyem* [Conquest of Russia by Batu] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. N 4. P. 3–30.

Laushkin A.V. *Mitropolit Kirill II i osmysleniye ordynskogo iga vo vtoroy polovine XIII veka* [Metropolitan Kirill II and the Comprehension of the Horde Yoke in the Second Half of the 13th Century] // *Bogoslovskiy sbornik* [Theological Collection]. Vol. 10. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2002. P. 211–223.

Likhachev D.S. *Russkiye letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoye znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. 499 p.

Mayorov A.V. *Mikhail Chernigovskiy v Silezii i bitva pri Legnitse* [Mikhail of Chernigov in Silesia and the Battle of Legnica] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2015. N 2 (60). P. 23–35.

Mayorov A.V. *Zavoyevaniye russkikh zemel' v 1237–1240 godakh* [Conquest of Russian Lands in 1237–1240] // *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2016. P. 89–113.

Nasonov A.N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI — nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [History of Russian Chronicles from the 11th through the Early 18th Century. Essays and Studies]. Moscow: Nauka, 1969. 555 p.

Podskalsky G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kiyevskoy Rusi (988–1237 gg.)* [Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237)]. 2nd ed., revised and supplemented. Saint Petersburg: Vizantinorossika, 1996. 572 p.

Priselkov M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [History of Russian Chronicles from the 11th through the 15th Century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996. 326 p.

Prokhorov G.M. *Povest' o nashestvii Batyya v Lavrent'yevskoy letopisi* [The Tale of Batu's Invasion in the Laurentian Chronicle] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 28. Leningrad: Nauka, 1974. P. 77–98.

Ranchin A.M. *Vertograd zlatoslovnnyy* [A Garden of Golden Words]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2007. 576 p.

Rudakov V.N. *Drevnerusskiye knizhniki o begstve knyazey ot tatar* [Ancient Russian Authors on the Flight of Princes from the Tatars] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2012. N 1 (47). P. 52–61.

Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII – XV vv.* [Mongol-Tatars through the Eyes of Old Russian Authors from the Mid-13th through 15th Century]. 3rd ed., revised and suppl. Moscow: Kvadriga, 2017. 272 p.

Rudakov V.N. *Synov'ya velikogo knyazya vo vremya osady Vladimira: k probleme vospriyatiya bor'by s mongolo-tatarami v letopisanii* [Sons of the Grand Duke during the Siege of Vladimir: On the Problem of Perception of the Struggle against the Mongol-Tatars in Chronicles] // *Istoricheskaya antropologiya: mesto v sisteme sotsial'nykh nauk, istochniki i metody interpretatsii. Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii* [Historical Anthropology: Its Place in the System of Social Sciences, Sources and Methods of Interpretation. Abstracts of Reports and Communications of the Scientific Conference]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 1998. P. 191–193.

Rudakov V.N. *Velikiy knyaz' Yaroslav Vsevolodovich v gody nashestviya Batyya* [Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich during Batu's Invasion] // *Tetradi po konservativizmu*. 2020. N 3. P. 411–436.

Rudakov V.N. *Yekaterina Velikaya protiv khana Batyya* [Catherine the Great against Batu Khan] // *Rodina*. 2022. N 7. P. 102–105.

Rudakov V.N. *Zagadochnyy pokhod velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovi-cha na Kamenets (1239 g.)* [The Mysterious Campaign of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich to Kamyenyets (1239)] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. N 3 (89). P. 15–33.

Serebryanskiy N.I. *Drevnerusskiye knyazheskiye zhitiya. Obzor redaktsiy i teksty* [Old Russian Princely Hagiographies. An Overview of Versions and Texts]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostey rossyiskikh pri Moskovskom universitete, 1915. 494 p.

Поступила в редакцию
22 октября 2022 г.